

Евгений Бунимович, писатель, педагог, член политсовета партии «Яблока». Монолог к фильму «И корабль плывет...», запись 2025 г.

Мне кажется, Юра, Щекоч – не тот человек, о котором можно вспомнит просто потому, что приближается какая-то дата, дело в том, что его необыкновенность, особенность, она была таковой - что он как бы не ушел. Его совершенная невероятность, необыкновенность как человека, как журналиста, как депутата- она остается.

Есть много людей неплохих и талантливых в каждой профессии, но ничего подобного, уникальность в них не возникла. Он с одной стороны был уже взрослый трезвый, состоявшийся человек, который занимался тем более такой вещью, как коррупция, в масштабах страны. Мафия, о которой он первым заговорил в нашей стране, касавшийся, может быть, самых страшных системных и циничных моментов нашей жизни. А с другой стороны, он всегда был абсолютным мальчишкой и романтиком. Вот это меня поражало. Я знаю не только многих журналистов, но тех, кто занимается расследованиями, это люди часто мрачные, нервные. А у Юры были всегда абсолютно распахнуты глаза, и он оставался всегда с каким-то невероятным доверием к людям. Вообще, такое впечатление, что он вовремя не повзрослел. В школе, на уроке литературы, тебе читают какие-то цитаты, Толстого и других. Скажем, если плохие люди объединяются, то почему хорошим людям, которых больше, лучше, почему бы им не объединиться? Обычно все это забывают сразу после школы. А он это воплощал в жизнь. Он бесконечно нас всех знакомил. У него было такое мощное силовое поле, что он собирал

вокруг себя огромное количество людей. И всех бесконечно знакомил, по десять раз, потому что ему хотелось, чтобы все были вместе. Причем, я скажу осторожно, это были далеко не всегда самые лучшие люди. Иногда просто очень сомнительные по своей репутации, по своим действиям. Но он бесконечно верил в хорошее, что можно вытащить из человека хорошее. Удивительно, что находясь рядом с ним, эти люди как будто становились лучше, старались быть лучше, они были другие, чем в каком-то ином контексте. И он очень в это верил.

Он был крупным политиком. Многие крупные политики стараются изобразить демократизм. Подойти к людям, поздороваться, одеться в какую-то более скромную одежду и так далее. Юре этого не надо было. Он просто не обращал на это внимание. Я вспоминаю нашу знаменитую смешную историю. Он жил в Переделкино, мы тоже, часто из Дома творчества приходили к его домику, он как-то обещал нас взять с собой в Москву, шел ливень, у него была машина как у депутата, мы стоим, никто не приезжает. Вдруг появляется машина и водитель спрашивает- где тут дача депутата, и пытается произнести фамилию трудную. Мы радостно садимся в машину и подъезжаем к его даче- там стоит Юра. Оказывается, водитель десять раз проезжал мимо. Во-первых, он не мог представить, что эта кривая избушка и есть дача депутата, зампреда комиссии, а самое главное - что вот этот человек никак был не похож на морды депутатские, которые мы видим по телевизору. Что в плащике, под зонтиком, это и есть депутат Щекочихин. Я много раз видел это изумление не только у водителей. Могу сказать, что мы были в каких-то высоких международных сферах вместе, и мне кажется, там тоже были изумлены.

Иностранцы тоже не видели никогда таких депутатов. Он не был похож ни на что внешне и по сути. Как журналист он не останавливался, он все время боролся за правду, за каждого человека, не важно, хороший он или не очень хороший, как настоящий правозащитник. Если видел несправедливость. И был почему-то уверен, несмотря на все несправедливости, которые есть вокруг нас, что справедливость все равно восторжествует. Мне кажется, что эта уверенность в том, что справедливость в конце концов восторжествует, это нам позарез необходимо. Может быть, в моем возрасте это уже трудно. Но у молодых - я вижу есть это ощущение. Просто в силу молодости. Эти уйдут, а мы останемся. И мы что-то сможем. Мне нравится в этом поколении - а я много общаюсь с тинейджерами, с молодыми – несвойственная нашему поколению трезвость. Они очень ясно и трезво оценивают и свои возможности, и перспективы, профессиональные, человеческие, они умеют понимать, что он сам из себя представляет, какие у него сильные и слабые стороны. Но мне хотелось бы, чтобы за трезвостью не был потерян этот импульс, вера в невозможное. То, с чем шли французские студенты 68- го года. Делать только то, что невозможно, и верить в это. И думаю, это произойдет. Трагическая судьба. Страшное ощущение от его ужасной внезапной смерти. От его жизни ощущения трагического не осталось. Андрей Вознесенский на одном из первых вечеров памяти Щекоча читал стихи, там есть строчка « Последний в России святой». Когда мы представляем эти лица, святых, они там вдали. А Щекоч - близко, вот он, рядом с нами. Но, наверное, они такими и были - казавшимися нелепыми, а на самом деле очень точными, абсолютно правильными, естественными и абсолютно

уверенными в своей правоте. Хотелось бы, чтобы это не потерялось. Уверенность, которая бывает в молодости и которую очень трудно сохранить в дальнейшей жизни. У мальчишек, у девчонок, у них большие планы. Постепенно они скукоживаются. У Юры его планы, его задумки, что бы ни происходило, оставались такого же масштаба всю жизнь.

Если говорить о Щекоче, он пришел в политику не потому что была возможность, а потому что не мог иначе. Это темперамент, это уверенность в том, что справедливость не может не восторжествовать, что честность и человеческая правильность разумна. Мне нравилось, как он относился к своим героям. Люди, которые делают страшные, жуткие вещи, он к ним относился как к каким-то недоумкам. Он и хне то что не боялся, он думал- ведь честно жить гораздо лучше... Гораздо естественнее. Это люди, которые что-то недопоняли. Если человек понимает, если он верит в справедливость, без которой вообще трудно жить, он будет верить и бороться.

Мы родились в совершенно глухие годы И в голову не приходило, что это может как-то смениться. И тем не менее это взяло и сменилось.

И очень важно, что во время этих смен, которые ранг или поздно приходят в течение жизни, ты в каждый момент был готов, чтобы не оказалось, что ты уже устал и ничего не хочешь или не можешь.

В школе помню читал книжку Василя Быкова про партизан, прекрасный писатель, Двух партизан взяли, говорят, сотрудничать или нет с полицией. И один говорит другому-

не лезь в дерьмо, не отмоешься. Каждый должен решать это сам. Вот не надо лезть в дерьмо. Юра на это был неспособен.

В нынешнем молодом поколении я вижу опору на профессионализм. Важно найти любимое дело. Что-то свое. Но даже если ты чувствуешь, что возможен компромисс - лучше оставаться в согласии с самим собой. Надо начинать с маленьких вещей. Когда говорят о патриотизме, говорят о чем-то огромном, необъятном, но ведь патриотизм начинается со своего дома, семьи, с улицы. Если начинаешь строить правильно, естественно нормально свою жизнь, то получится и что-то большое, Самое главное- не терять себя, не идти внутри и вне себя на компромисс и сохранять чувство собственного достоинства.

Я в жизни видел несколько таких людей, включая моих учителей, и Щекоча, конечно, и мне это очень помогало. И я надеюсь, что нынешние ребята тоже найдут тех, кому они поверят и кто будет рядом.

К сожалению, сегодня политика взяла за шиворот многих и перевернула многие судьбы. Мне кажется, молодые будут другими. Мне было легче, когда Щекоч стоял рядом.

Это он мне предложил пойти в политику, и предложил вообще не говорить о том, что политика грязное дело.

Политика грязное дело, когда мы отдаем ее грязным людям. Если мы понимаем, что политика наше дело – есть шанс.

Я не сомневаюсь, что молодые сделают жизнь лучше и чище. Когда ты разговариваешь с ними, и самому кажется, что что-то еще будет. Они трезвые, но в то же время в чем-то инфантильные, видимо, за счет комфорта, с другой стороны более взрослые за счет понимания, что не так

много моментов в жизни, когда радо сделать выбор. И мне кажется, они чувствуют себя более ответственными за свой выбор, чем в свое время мы.